

Научная статья
УДК 343.6
DOI: 10.37973/KUI.2023.90.35.007

СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Артем Эрнестович Велиев,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
aeveliev@ya.ru

Аннотация

Введение: в статье изложено авторское видение системы уголовно-правовых средств, играющих роль в противодействии суицидальному поведению по действующему законодательству Российской Федерации.

Материалы и методы: при подготовке статьи применялись общенаучные и специально-юридические методы познания, в частности, формально-догматический, системный, логический. В ходе исследования использовались нормативные акты, акты судебного толкования, решения судов по конкретным делам, а также материалы доктринальных исследований.

Результаты исследования: сформулировано содержание системы уголовно-правовых средств противодействия суицидальному поведению, а также выявлены их особенности.

Обсуждение и заключение: автор приходит к выводу, что существующие в российском уголовном законодательстве средства противодействия суицидальному поведению могут быть разделены на две группы: общеуголовные и антисуицидальные, причём вторая группа подразделяется на специальные и казуальные.

Ключевые слова: самоубийство; суицид; суицидальное поведение; уголовное право; доведение до самоубийства; преступления, связанные с суицидом; квазисоучастие

© Велиев А.Э., 2023

Для цитирования: Велиев А.Э. Средства противодействия суицидальному поведению в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 57 – 62. DOI: 10.37973/KUI.2023.90.35.007

Scientific article
UDC 343.6
DOI: 10.37973/KUI.2023.90.35.007

MEANS TO COUNTERACT SUICIDAL BEHAVIOR IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Artem Ernestovich Veliev,
Volgograd State University, Volgograd, Russia, aeveliev@ya.ru

Abstract

Introduction: the article presents the author's viewpoint on the system of criminal law means that play a role in counteracting suicidal behaviour under the current legislation of the Russian Federation.

Materials and Methods: the author used a combination of general scientific and special-legal methodologies including dogmatic, systematic, and logical approaches. The study involved the analysis of relevant legal acts, acts of court interpretations, court decisions on specific cases, and academic papers of other authors.

Results: basing on the study results the author presents the contents of the system of criminal means to counteract suicidal behavior and identifies its characteristics.

Discussion and Conclusions: the author concludes that the means of counteracting suicidal behaviour in the Russian criminal legislation can be categorized into two groups: general criminal measures, and anti-su-

icide measures. The latter group can be further divided into special and case-by-case measures. The direct object of the offence, which is the independence of life disposal, is common to all anti-suicide norms.

Keywords: suicide; suicidal behaviour; criminal law; leading to suicide; crimes related to suicide; quasi-complicity

© Veliev A.E., 2023

For citation: Veliev A.E. Means to Counteract Suicidal Behavior in Russian Criminal Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):57 – 62. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.90.35.007

Введение

Российская Федерация продолжает оставаться одним из мировых лидеров по числу совершаемых самоубийств на душу населения¹. Государство прибегает к самым разным мерам борьбы с данным явлением, в том числе к средствам уголовного права.

За последние годы законодатель уделил немало внимания расширению и усовершенствованию системы уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с суицидальным поведением, что вызвало у исследователей повышенный интерес к данной проблематике. Вместе с тем, несмотря на достаточно подробную разработку отдельных вопросов, связанных с конкретными составами преступлений, средства уголовно-правового противодействия совершению самоубийств практически не подвергались осмыслению в качестве особой, специфической группы правовых норм.

Обзор литературы

Несмотря на значительную актуальность вопросов, связанных с уголовно-правовой регламентацией ответственности за совершение деяний, создающих предпосылки для суицида, доктринальные попытки рассмотрения такого рода норм в комплексе остаются немногочисленными. Так, в качестве единого института рассматривает статьи 110 – 110² УК РФ Н.М. Елисеева, которая предлагает объединять соответствующие преступления в рамках термина «квазисоучастие в самоубийстве» [1, с. 46-47, 53]. Автор другого комплексного исследования в данной сфере – М.А. Артамонова – выделяет категорию «преступлений, связанных с суицидом», которую также ограничивает деяниями, предусмотренными статьями 110 – 110² УК РФ [2, с. 72]. Такое понимание уголовно-правового противодействия суицидальному поведению представляется небесспорным.

Материалы и методы

В ходе исследования применены общенаучные и специально-юридические методы познания, в

частности, формально-догматический, системный, логический. Материалами для исследования послужили нормативные акты, акты судебного толкования, решения судов по уголовным делам, а также научные источники, в которых затрагивались соответствующие вопросы.

Результаты исследования

При определении круга уголовно-правовых средств противодействия суициду исследователи зачастую ограничиваются нормами статей 110-110² УК РФ. Однако такое понимание, по нашему мнению, является неоправданно узким, поскольку в действующей системе уголовного права число норм, в той или иной мере направленных на сдерживание суицидального поведения, значительно больше, и реализуются они сразу на нескольких уровнях.

Во-первых, закон рассматривает в качестве преступлений целый ряд общественно опасных способов самоубийства. В обычных условиях современное уголовное право не преследует действия, в результате которых лицо добровольно причиняет вред самому себе. Однако такой принцип действует лишь до тех пор, пока такие действия не вредоносны для окружающих. Поэтому хотя сам по себе суицид в современной России не наказуем, в ряде случаев попытки суицида и парасуицида могут преследоваться в связи с другими общеуголовными запретами, которые, следовательно, приобретают связь с суицидом *ad hoc*.

Любые подобные деяния в зависимости от конкретных обстоятельств подлежат квалификации по соответствующим статьям УК РФ. Так, С. был осуждён по части 3 статьи 30, пункту «б» части 2 статьи 105 УК РФ и по части 3 статьи 321 УК РФ за покушение на убийство сотрудника исправительного учреждения. При этом, согласно показаниям осуждённого, нападение им было совершено в надежде, что при задержании убьют его самого². В качестве другого примера можно привести приговор в отношении К.³ Проживая со-

¹ Suicide rates // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mental-health/suicide-rates> (дата обращения: 07.12.2023).

² Определение ВС РФ от 18.02.2010 по делу № 73-О10-4 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционный приговор Верховного суда Республики Коми № 22-847/2018 от 17 мая 2018 г. по делу № 22-847/2018 // СПС «СудАкт».

вместно со своей престарелой матерью и устав в одиночку организовывать и осуществлять быт в частном доме, К. решил покончить жизнь самоубийством путём отравления угарным газом, убив при этом и мать, поскольку полагал, что та тяжело больна и из-за этого испытывает страдания. Убедившись, что его мать спит, он затопил печь, топка которой выходила в комнату матери, закрыл задвижку дымохода, расположенную в другой комнате, и лёг в комнате, где находилась потерпевшая, куда начали поступать продукты горения дров из топки печи. Преступление было пресечено М., которая зашла, чтобы навестить престарелую женщину, а содеянное квалифицировано по части 3 статьи 30, части 1 статьи 105 УК РФ.

При определённых условиях под признаки состава преступления подпадают и акты парасуицида, т. е. такой разновидности суицидального поведения, при котором причинение вреда собственному здоровью в действительности не имеет окончание жизни своей конечной целью. Например, рядовой С. был признан виновным по части 1 статьи 339 УК РФ, в связи с тем, что, имея намерение путём симуляции психического расстройства временно уклониться от прохождения военной службы, он нанёс себе лезвием канцелярского ножа резаную рану верхней трети предплечья. Несмотря на установление отсутствия цели лишить себя жизни, по медицинским критериям деяние С. было расценено как суицидальная попытка, что, впрочем, не отменяет его уголовной наказуемости¹.

Разумеется, составы названных выше преступлений имеют своей задачей не только и не столько предотвращение суицида. Тем не менее риск в случае неудачи подвергнуться уголовному преследованию может стать достаточной мотивацией, для того чтобы предпочесть менее общественно опасный способ сведения счётов с жизнью. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать перечисленные нормы как своего рода вспомогательное средство борьбы с суицидом, а точнее – с его отдельными, общественно опасными способами. С учетом того что самоубийство в таких преступлениях не относится к признакам состава, их связь с суицидом можно характеризовать как фактическую, а не юридическую.

В этом плане им противоположны те составы преступлений, в которых субъектом выступает не сам суицидент, а то лицо, которое тем или иным образом создаёт условия, подталкивающие к совершению самоубийства. Такие преступления явно или имплицитно связаны с суицидом уже на уровне конструкции состава преступления.

Антисуицидальные составы преступлений делятся на две подгруппы. Первая из них представлена преступлениями, уже основные составы которых направлены на предупреждение суицида, совершённого под влиянием третьих лиц, и именно это влияние является уголовно наказуемым. Действующий уголовный закон предусматривает ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110), склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110¹), содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110¹) и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110²). Назовём такие антисуицидальные составы специальными.

Вторая подгруппа включает уголовно-правовые нормы, своим основным объектом имеющие самые разные общественные отношения, однако в силу их конструкции квалифицированным составом преступления охватываются и тяжкие последствия в виде самоубийства потерпевшего или попытки его совершения. Такое понимание тяжких последствий было дано в целом ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где прямо указывается на такие преступления, как изнасилование и насильственные действия сексуального характера (п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132)², злоупотребление должностными полномочиями и их превышение (ч. 3 ст. 285 и п. «в» ч. 3 ст. 286)³, а также склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «б» ч. 3 ст. 230)⁴. Кроме того, указанный квалифицирующий признак может вменяться и в других случаях, например, широкое распространение в судебной практике получили приговоры по делам о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, повлёкшем тяжкие последствия (ч. 3 ст. 335). Хотя в тексте статей такого рода суицид не упоминается, дан-

¹ Приговор 61 гарнизонного военного суда № 1-29/2013 от 15 октября 2013 г. СПС «СудАкт».

² О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16, п. 13. СПС «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19, п. 21. СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 15.06.2006 № 14, п. 28. СПС «КонсультантПлюс».

ное обстоятельство не препятствует включению соответствующих составов преступлений в круг антисуицидальных, поскольку содержание правовой нормы не сводится к тексту той или иной структурной единицы нормативного акта. С учётом сложившегося понимания термина «тяжкие последствия» можно утверждать, что в таких статьях суицид потерпевшего просто «выносятся за скобки» законодательных формулировок, оставаясь, тем не менее, одним из возможных вариантов фактической реализации квалифицирующего признака, имеющего существенное значение для уголовно-правовой оценки содеянного. Поскольку признак самоубийства потерпевшего в составах, учитывающих тяжкие последствия преступления, является альтернативным и их антисуицидальная направленность проявляется только при определённых обстоятельствах конкретного дела (казуса), правовые нормы, входящие в данную группу, можно предложить именовать казуальными.

Также необходимо отметить, что антисуицидальные составы преступлений характеризуются ещё и особым объектом, который выделяет их на фоне других преступлений против жизни.

При определении объекта специальных антисуицидальных преступлений на родовом и видовом уровне особых разногласий не возникает: как известно, представление о них вполне дают уже деление Особенной части УК РФ и названия, данные его структурным единицам – разделам и главам соответственно [3, с. 214-215]. Таким образом, можно вполне уверенно заявлять, что родовым объектом специальных антисуицидальных составов является личность, а видовым – жизнь и здоровье человека.

Сложнее дело обстоит с непосредственным объектом данных преступлений. В теории данный вид объекта рассматривается как «объект отдельного конкретного преступления, часть родового объекта», которая представляет собою «какое-либо конкретное благо, на которое непосредственно направлено посягательство» [3, с. 215].

Как правило, авторы исследований, посвящённых составам преступлений, предусмотренных статьями 110-110² УК РФ, непосредственным объектом посягательства называют жизнь другого человека (см., например: [2, с. 70-71; 4, с. 68; 5, с. 201]). Сторонники концепции признания объектом преступления общественных отношений также называют в этом качестве общественные отношения, обеспечивающие «безопасность жизни» [6, с. 21], «безопасность жизни и здоровья психически здорового лица, достигшего 16-летнего воз-

раста» [7, с. 13-14], «право индивидуально определённого человека на собственную жизнь в её биологическом содержании» [8, с. 79] и т. п.

Думается, что приведённые выше позиции не отражают своеобразия антисуицидальных составов и никак не выделяют их из целого ряда других преступлений против жизни.

Жизнь является непосредственным объектом достаточно широкого спектра преступлений, однако несложно заметить, что антисуицидальные составы в структуре главы 16 УК РФ расположены обособленно, образуя относительно самостоятельную группу противоправных деяний. В связи с этим напрашивается вывод, что такое объединение неслучайно и основанием для группировки послужило нечто иное, более специфическое, чем просто общность жизни как объекта преступления. Очевидно, что все деяния, предусмотренные статьями 110-110² УК РФ, так или иначе имеют связь с суицидом. Однако остаётся открытым вопрос, что именно составляет то благо, на которое виновный посягает, становясь, тем самым, причиной самоубийства?

Достаточно близко, как кажется, подошёл к определению объекта суицидальных преступлений В.Ш. Аюпов, который, рассматривая состав доведения до самоубийства, обратил внимание на то, что от действий виновного страдает волеизъявление потерпевшего: «Непосредственным основным объектом... являются, с одной стороны, жизнь конкретной личности как неотъемлемое благо, естественное субъективное право на жизнь, а также общественные отношения, возникающие по поводу охраны и реализации данного субъективного права; с другой – к непосредственному объекту указанного преступления можно вполне справедливо отнести естественное субъективное право личности на свободу выбора по распоряжению указанным выше благом» [9, с. 125]. В то же время такое понимание не лишено и ряда недостатков.

Во-первых, называя жизнь непосредственным объектом преступления, данный автор смешивает понятия видового и непосредственного объекта. Как уже было сказано ранее, жизнь человека не является специфическим объектом рассматриваемых посягательств, её уголовно-правовой охране посвящены и другие статьи главы 16 УК РФ. Очевидно, что статьи 110-110² УК РФ должны обладать отличительной особенностью, которая и позволяет безошибочно выделять их среди других преступлений против жизни. Как верно отмечено во второй части приведённой выдержки, эта особенность заключена в своеобразном непосред-

ственном объекте, которым является не просто жизнь человека, а фактическая возможность лица распорядиться ею.

Во-вторых, не совсем точным является в данном случае использование слова «свобода» для описания свойства воли, на которое посягает преступник. Дело в том, что словом «свобода» в русском языке обозначается «возможность проявления субъектом своей воли», «отсутствие ограничений, стеснений»¹. Однако именно на свободу выбора преступник не посягает, в конечном счёте оставляя решение вопроса об уходе из жизни полностью на усмотрение потерпевшего (в противном случае содеянное следовало бы расценивать как убийство). В то же время невозможно игнорировать, что это решение принимается под определённым влиянием, которое может склонить лицо к выбору именно смертельного варианта – потому оно и признаётся законодателем общественно опасным. В связи с этим представляется более корректным при определении охраняемого уголовным законом блага пользоваться не термином «свобода», а термином «самостоятельность», который как раз подразумевает совершение чего-либо «собственными силами, без посторонних влияний, без чужой помощи»².

Таким образом, можно сделать вывод, что для специальных антисуицидальных составов преступлений (статьи 110, 110¹, 110²) основным непосредственным объектом является самосто-

ятельность распоряжения жизнью. Что касается казуальных антисуицидальных составов, то самостоятельность распоряжения жизнью также является общим для всех них *дополнительным* объектом преступления, тогда как основной непосредственный объект должен определяться индивидуально, в зависимости от специфики соответствующего преступления.

Обсуждение и заключение

В ходе проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

1. Преступления, связанные с суицидом, не исчерпываются деяниями, перечисленными в статьях 110-110² УК РФ, а включают и другие общественно опасные деяния. Предлагаем классификацию соответствующих составов, построенную по признаку степени их специализированности:

- 1) общеуголовные;
- 2) антисуицидальные:
 - специальные;
 - казуальные.

2. Отличительной особенностью, позволяющей выделять антисуицидальные составы в самостоятельную группу уголовно-правовых норм, является их объект – самостоятельность распоряжения жизнью. Для специальных антисуицидальных составов он является основным, тогда как в казуальных то же благо выступает в качестве дополнительного объекта преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елисеева Н.М. Квасисоучастие в самоубийстве: актуальные проблемы криминализации и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Краснодар, 2020. 198 с.
2. Артамонова М.А. Преступления, связанные с суицидом: понятие, виды, проблемы законодательной регламентации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Уфа, 2022. 215 с.
3. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. Москва: Зерцало, 1999. 592 с.
4. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Москва, 2008. 218 с.
5. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 196 – 215.
6. Малетина М.А. Уголовно-правовая характеристика преступной причастности к самоубийству, не связанной с доведением до него: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Барнаул. 2021. 226 с.
7. Антипова А.В. Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения доведения несовершеннолетних до самоубийства: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Москва. 2020. 210 с.
8. Агафонов А.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. 201 с.
9. Аюпов В.Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 123 – 126.

¹ Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. Москва: АСТ, 2016. С. 566.

² Там же. С. 560.

REFERENCES

1. Eliseeva N.M. Kvazisouchastie v samoubijstve: aktual'nye problemy kriminalizacii i differenciacii otvetstvennosti: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Krasnodar, 2020. 198 s.
2. Artamonova M.A. Prestupleniya, svyazannye s suicidom: ponyatie, vidy, problemy zakonodatel'noj reglamentacii: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Ufa, 2022. 215 s.
3. Kurs ugovnogo prava. Obschaya chast'. Tom 1: Uchenie o prestuplenii / pod red. N.F. Kuznecovoj i I.M. Tyazhkovoj. Moskva: Zercalo, 1999. 592 s.
4. Ukolova YU.A. Problemy kvalifikacii dovedeniya do samoubijstva kak prestupnogo deyaniya: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Moskva, 2008. 218 s.
5. Krukovskij V.E., Mosechkin I.N. Ugolovno-pravovye problemy protivodejstviya deyatelnosti, napravlennoj na pobuzhdenie k soversheniyu ubijstv i samoubijstv // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2018. № 4. S. 196 – 215.
6. Maletina M.A. Ugolovno-pravovaya harakteristika prestupnoj prichastnosti k samoubijstvu, ne svyazannoj s dovedeniem do nego: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Barnaul. 2021. 226 s.
7. Antipova A.V. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye mery preduprezhdeniya dovedeniya nesovershenoletnih do samoubijstva: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.08. Moskva. 2020. 210 s.
8. Agafonov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva: monografiya. Moskva: YUrlit-inform, 2012. 201 s.
9. Ayupov V.SH. K voprosu ob ob'ekte dovedeniya do samoubijstva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 363. S. 123 – 126.

Информация об авторе:

Велиев Артем Эрнестович, соискатель кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета, ORCID: 0000-0003-3548-6461, aeveliev@ya.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Veliev Artem E., the applicant at the Criminal Law Department of Volgograd State University, ORCID: 0000-0003-3548-6461, aeveliev@ya.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 09.09.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.